

N 2214.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА

Венефисъ г-жи Васильевой.

Талантливая артистка составила свой бенефисъ весьма разнообразно: и Бомарше, и Пушкинъ, и Федотова, и Стрелетова, и Лепский. Пьесы были подобраны съ такими величинами. Но пьеса не важность—театръ, конечно, быть бы долженъ, еслибы не такое время сезона, когда театръ перестаетъ привлекать зрителей. Изъ тому же юбилей Боткина пагубно отягчалъ многихъ посѣтителей, и пьесы де-и-ко были пусты. Полны были вѣхи, партеръ и кресла. Лично меня интересовалъ и «Севильскій цирюльникъ», и «Русалка» Пууляна съ г-жею Стрелетовой, и актъ «Ошинокъ молодости» съ г-жею Федотовой. Въ особенности интересовала меня г-жа Федотова, которую я мало видѣлъ, за то много слышалъ о ней. Я торопился съѣзда въ честь Боткина въ театръ и засталъ только послѣдніе стихи «Русалки». Остановившись у входа, я слышалъ полныя глубокаго отчаянія и муки рѣчи:

Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я огреклася
Ого всего, чѣмъ прежде дорожила.
Мы развѣчались. Слѣнь ты, мой вѣнецъ.

Затѣмъ: «Теперь все кончено», и запѣвъ, рукоплесканія и вызовы. «Ошинокъ молодости» ужасно устарѣлъ — такъ мы скоро живемъ. Авторъ въ свое время выдумалъ одного изъ «новыхъ» людей, одного изъ пигмеевъ, порожденныхъ Базаровымъ, и эта выдумка въ свое время правилась.

Но, Боже мой, какимъ старьемъ стѣсняется теперь это лицо, напускающее на себя лакейство, продѣлывающее чудеса хозяйственности и смакующее тѣлеса княгини, своей хозяйки. Дѣло у нихъ хорошо кончилось: пѣніе поправлено и любви можно было предаваться на покой. Г-жа Федотова избрала актъ, въ которомъ княгиня и управляющій разыгрываютъ пословицу: «и хочется и колется». Очень тонко, талантливо, съ значительной долей изящества г-жа Федотова разыгрываетъ эту пословицу. Княжескія чувства взяты какъ разъ въ мѣру, безъ глубины, безъ страстныхъ порывовъ сердца, но съ надлежаще выразительными интонаціями, съ ласкающими жестами, съ сладострастіемъ воспитанной кошки, у которой все существо такъ сказать зарыто и мѣлеть, но благовоспитанность удерживаетъ все это въ извѣстныхъ границахъ. Эта сторона типа княгини—безспорно прекрасное и реальное созданіе артистки, и такія созданія, въ этомъ клубнично-аристократическомъ родѣ, всегда нравятся публикѣ. Успѣхъ г-жи Федотовой былъ поистинѣ огромный. Для русской артистки такія созданія всегда трудны и много по тонкости своей, по кружевности, такъ сказать, работѣ. Въ этомъ отношеніи г-жа Федотова—предѣлъ. Для Сары Бернаръ, напримѣръ, такіе роли—плечное дѣло, потому что эта тонкость и кружевничество въ самой натурѣ даровитой и изящной француженки, въ условіяхъ тамошней жизни даже средняго сословія. Снимите эти пѣнки изящества, какъ снялъ ихъ Зола въ своемъ «Pot-Bouille», и получите такая слякоть и дрянь, такая грубость, что всѣ великолѣпные лицемѣры и лицемѣрки немедленно закричатъ о клеветѣ, о неприличіи и въ тайнѣ все-таки прочтутъ романъ и даже его высосутъ. Въ игрѣ г-жи Федотовой дорогъ именно отбѣнокъ реальности, который показываетъ сущность этой паболоваппой жепицы, эти текуція сюжеты даже сквозь гражданскую настроенность.

Какъ трудно русской артисткѣ войти въ плоть иностранки доказываетъ г-жа Васильева, взявшая роль Розины въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». Играли она мило, сцена третьяго акта, гдѣ Розина беретъ урокъ пѣнія у переодѣтаго графа Альмавивы, вышла даже очень мила, но все-таки Розины какъ-то не выходило, не было ничего тишическаго, пѣльнаго, не было живости и огня. Вы видѣли г-жу Васильеву, которая притворялась Розинкой, иногда мило притворялась, но Розины совсѣмъ не было. Я видѣлъ только три акта комедіи, которыхъ совершенно достаточно для сужденія объ игрѣ актеровъ. Г. Давыдову мало удалась фигура Фигаро. Нарѣдка блестящи искры комизма, живо-сти и выразительности, но тогчасъ же тухли. Видно было, что даровитый артистъ чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ. Я увѣренъ, что сыгравъ онъ эту роль еще нѣсколько разъ, она выйдетъ у него лучше, рельефнѣе, но едва ли получится вполнѣ живое лицо, вся фигура котораго должна горѣть живостью, подвиж-

ностью, остроуміемъ, лукавствомъ и той находчивостью, которая нужна была для личности даровитой среди этихъ іезуитовъ, баръ, глупыхъ и нелѣпыхъ богачей, всегда готовыхъ задавить маленькую фигурку. Почти то же надо сказать и о г. Ленскомъ въ роли графа Альмавивы. Это какъ бы репетиторъ роли, а не игра ея, это поиски за тинкомъ, угадываніе его. Чѣмъ-то невардлымъ и случайнымъ отызался его игра. Г. Варламовъ гораздо счастливѣе обоихъ артистовъ, онъ довольно грубо взялъ роль Бартола и въ этомъ видѣ она получилась довольно полною, рельефною и комическою. Г. Сазоновъ прекрасно загримировался въ роли Казлио, но роль самая не вышита, не вышлась и монологомъ о клеветѣ. Этотъ монологъ, лучшее мѣсто въ роли, требуетъ большого изученія и тонкости, чтобы имъ произвести впечатлѣніе. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, комедія Бомарше поправилась, но все-таки русскіе артисты едва ли когда будутъ себя чувствовать въ ней свободными. Самый шарикъ, допущенный въ ней актеромъ, всегда будетъ въ игрѣ русскихъ артистовъ слишкомъ бьющимъ, слишкомъ рѣзкимъ.

Незнакомецъ.